

Научная статья
УДК 355.48:316.7(581)
doi: 10.17223/2312461X/35/2

ВОЙНА И (РЕ)КОНСТРУКЦИЯ ГОСУДАРСТВА В АФГАНИСТАНЕ: КОНФЛИКТ ТРАДИЦИЙ ИЛИ КОНФЛИКТ РАЗВИТИЯ?*

Фариба Адельха

Институт политических наук (SciencesPo-CERI), Париж, Франция

Аннотация. Международная помощь, направлявшаяся с 2001 г. на (ре)конструкцию афганского государства, парадоксальным образом усилила этнизацию и конфессионализацию экономических и политических отношений, что находится в полном противоречии с принципами *good government*, проповедуемыми международными донорами. Множащиеся конфликты идентичностей и традиционных форм коллективного членства на самом деле заставляют задуматься о более принципиальном противоречии между культуралистскими представлениями об афганском обществе и последствиями включения страны в мировую капиталистическую экономику. Так, возложение ответственности за социальное и политическое насилие в Афганистане на исламистскую радикализацию, этническую поляризацию или пережитки трайбализма свидетельствует о неполном понимании ситуации, поскольку такой взгляд не принимает во внимание общественные трансформации и новые ставки в считающихся традиционными конфликтах.

Ключевые слова: Афганистан, иностранная интервенция, международная помощь, этничность, джихад, трайбализм

Для цитирования: Адельха Ф. Война и (ре)конструкция государства в Афганистане: конфликт традиций или конфликт развития? // Сибирские исторические исследования. 2022. № 1. С. 10–35. doi: 10.17223/2312461X/35/2

* Фариба Адельха – французский антрополог иранского происхождения – в июне 2019 года была арестована в Иране, куда она приехала проводить полевое исследование. С тех пор, несмотря на протесты международного научного сообщества и усилия французской дипломатии, она находится в иранской тюрьме. Настоящая статья впервые опубликована в журнале *International Development Policy | Revue internationale de politique de développement* [Online], 8 | 2017 (<https://doi.org/10.4000/poldev.2451>). После вывода американских войск из Афганистана и прихода к власти талибов она не только не утратила актуальности, но и приобрела новую ценность, в частности, благодаря анализу процесса конструирования этничности в афганском обществе и роли в нем «международной помощи». Перепечатывая, с согласия редакции журнала, статью на русском языке, мы тем самым выражаем солидарность с нашей коллегой и выступаем в поддержку свободы академических исследований.

Original article

doi: 10.17223/2312461X/35/2

War and state (re)construction in Afghanistan: conflicts of tradition or conflicts of development?

Fariba Adelkhah

SciencesPo-CERI, Paris, France

Abstract. Foreign aid intended since 2001 for the (re)construction of the Afghan state has paradoxically amplified the ethnicization and sectarianization of economic and political relations, in total contradiction with the criteria of good governance advocated by donors. Apparently traditional or identity conflicts have multiplied, in fact referring to more fundamental contradictions between the culturalist representation of Afghan society and the effects of the country's insertion into the global capitalist economy. Thus, the fact of making Islamic radicalization, ethnic polarization or tribal atavism responsible for the social and political violence in Afghanistan denotes an incomplete vision of the situation, insofar as it does not take into account the transformations society and the new challenges of this supposedly traditional conflictuality.

Keywords: Afghanistan, Foreign Intervention, International Aid, Ethnicity, Jihad, Tribalism

For citation: Adelkhah, F. (2022) War and state (re)construction in Afghanistan: conflicts of tradition or conflicts of development? (Translated from French by E.I. Filippova). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 10–35. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/35/2

20 января 2014 г. на центральной аллее базара в Бамиане, неподалеку от банка Азизи, вспыхнула драка между тремя мужчинами. Очень быстро около ста человек – жителей города и его окрестностей: Асиаба, Шахидана, Джаграхеля, а также Фатмасти, родного города зачинщиков столкновения, находящегося в десяти минутах езды по дороге на Шашпул, – ввязались в конфликт. В чем его причина?

На первый взгляд, сумка с деньгами, которые один из троих собирался положить в банк. Но поскольку предмет спора исчез и сегодня уже никто не хочет о нем вспоминать, лучше задаться вопросом о том, почему конфликт так сильно разросся в последующие дни, по мере того как все более многочисленные группы постепенно прибывали из Якауланга, Кабула, Баглана и Мазари-Шарифа.

Для восстановления спокойствия, хотя бы временного, потребовалось совместное вмешательство префектуры (вилаята), Совета мира и Совета улемов, потребовавших от стороны, признанной виновной, возместить достаточно высокие финансовые убытки. Было решено, что семья, которая возобновит насилие, будет навечно отстранена от всех политических и административных постов, которые ее члены занимают. Соглашение было скреплено клятвой на Коране, чтобы вынудить

участников соблюдать его, но немногие жители Бамиана верят в то, что конфликт окончательно разрешен. Действительно, это лишь последний по времени эпизод затяжной сорокалетней вражды, которая уже стоила жизни 74 человек: все они (за исключением пятерых, убитых в другом городе в попытке «залезть раны», – объяснили мне) происходят от одного предка, ходили в одну мечеть, принадлежали к одному религиозному течению и похоронены на одном кладбище. Следовательно, застарелый спор может в любой момент перерасти в новое побоище.

В небольшом городке Фатмасти живут около 300 семей. С 1970-х гг. в нем, как уже было сказано, случилось 74 трагические смерти: из-за последовательного сведения счетов убийцы и их жертвы нередко оказывались членами одной семьи. Жители Фатмасти называют себя иногда хазарейцами, иногда – парсиванами (фарсиванами), и они не ладят с пришедшими из Ирана уроженцами Сабзеvara. Их историю хранят мавзолеи Мир-Хакима Аги и Сайеда Хазрата Яхсуза – два основных места паломничества в городе. «Хазарейцы – потомки Чингиз-хана из династии Моголов, а мы приходим из династии Кеянидов, арийской династии», – утверждает Халифа Азиз (ПМА 2014, 2015), старейшина Фатмасти, который больше не живет в городе и потерял значительную часть своей семьи в конфликтах между кузенами по линии матери. Большинство этих насильственных смертей имели место во время джихада против советских войск и «войны полевых командиров» (1992–1996), в ходе которой его семья раскололась на сторонников «Хизб-и Наср» (впоследствии поглощенной «Хизб-и Вахдат» Абдула Али Мазари) и «Хизб-и Харакат» аятоллы Асефа Мохсени.

Этот внутрисемейный конфликт коренится в разграничении земель, в процессе которого обычно возникают противоречия между зятьями (*baja* на дари или *yazna* на пушту). По общему мнению, он был усилен двумя факторами, характерными для периода войны: свободным обращением оружия и массовой эмиграцией мужчин по политическим или экономическим причинам. Таким образом, речь идет о войне между кузенами, подогреваемой матримониальными противоречиями. Характерно, что, хотя главными действующими лицами насилия являются мужчины, тень женщин присутствует повсеместно. Они тоже неявно способствуют социальному воспроизводству конфликтов.

Как бы то ни было, разделение Фатмасти между двумя основными политическими группировками шиитов, участвующими в джихаде, наложило на более давние проблемы. По мнению молодежи, стремящейся бежать из города, с 1980-х гг. у его жителей не было «ни одной спокойной ночи». Фатмасти отправил на джихад свою долю командос, а после 2001 г. многие местные специалисты вошли в правительство Карзая, и их действия на своих постах, в свою очередь, породили недо-

вольства и вендетту. События в Фатмасти воспроизводят в миниатюре политическую жизнь всей провинции Бамиан.

В июне 2015 г. волнения в связи с назначением нового префекта напомнили о сохраняющихся разногласиях между хазарейцами и среди шиитов, унаследованных от периода джихада и более ранней местной истории. В них проявилась и еще одна составляющая социальной истории Афганистана: институт арбаков. Эти «защитники», зачастую сами создающие ситуации, в которых люди вынуждены прибегать к их заступничеству, вновь появились как вспомогательная милиция при НАТО, и выходцы из Фатмасти были в ней весьма многочисленны (ПМА 2014, 2015).

Таким образом, в Фатмасти сконцентрировались сложные социальные идентичности и политические ставки, свойственные современному Афганистану, и в частности – его центральному региону Хазареджату, на котором мы сосредоточимся в дальнейшем. Мы увидим, что международная помощь, предназначенная для (ре)конструкции государства, после 2001 г. парадоксальным образом способствовала дальнейшей этнизации и конфессионализации экономических и политических отношений – в полном противоречии с принципами *good government*, проповедуемыми международными донорами. Множащиеся конфликты идентичностей и традиционных форм коллективного членства на самом деле заставляют задуматься о более принципиальном противоречии между культуралистскими представлениями об афганском обществе и последствиями включения страны в мировую капиталистическую экономику. Так, возложение ответственности за социальное и политическое насилие в Афганистане на исламистскую радикализацию, этническую поляризацию или пережитки трайбализма свидетельствует о неполном понимании ситуации, поскольку такой взгляд не принимает во внимание общественные трансформации и новые ставки в считающихся традиционными конфликтах. Поэтому речи доноров, находящихся в плену глобальных моделей и парадигм, оторванных от реалий страны, проблемы которой они намерены разрешить, чаще всего наивны.

Важнейший опыт войны

Итак, история имеет первостепенную важность для понимания Афганистана. Этничность, язык, традиция или ислам сами по себе не могут рассматриваться как объяснительные категории. Мы исходили из постулата о том, что проблемы постконфликтной реконструкции в Афганистане вписываются в череду без конца воспроизводящихся давних логик, переплетаясь с ними и отталкиваясь от них. Даже несмотря на то, что борьба с талибами, неолиберальные веяния и глобализация усилили роль военных, НПО и диаспор, действующих наряду с ответственными учреждениями или вместо них.

Прежде чем перейти к современности, следует напомнить исторический контекст иностранного военного вмешательства в дела Афганистана, одной из наименее развитых стран на планете. В 1978 г. Народно-демократическая партия Афганистана устроила государственный переворот, свергнув правительство Мухаммада Дауд Хана и спровоцировав советскую оккупацию, которая продолжалась до 1989 г. (Andishmand 2009; Roy 1985). С этого времени страна жила в условиях гражданской войны (1989–1996), важнейшими событиями которой были битва за Джалалабад в 1989 г. и несколько битв за Кабул в период между 1992 и 1996 гг. (Abdolgodus 2009; Azimi 2012, 2013; Dogronsoro 2000), а также иностранной интервенции. Афганистану принадлежит печальное мировое первенство по числу беженцев.

Бедность и наличие оружия усугубляют в Афганистане земельные проблемы, ускоряют урбанизацию и выдавливают людей в эмиграцию. После 2002 г. ситуация не улучшилась, но продолжила ухудшаться, в частности, в земельной сфере (Adelkhah 2013). Правительство Х. Карзая довольствовалось сохранением нагромождения разнородных законов и подзаконных актов, унаследованных от предшествующих периодов, прагматично используя в своих интересах соотношение сил на местах между различными институтами, социальными и этническими группами или полевыми командирами. В действительности за фасадом речей, обращенных к международным донорам, эта политика привела к централизации распределения земель, а затем к их захвату представителями власти и их клиентелой как от имени их самих (или их семей), так и от имени государства. С этой точки зрения отношения между господствующим политическим классом и государством, с одной стороны, и массой населения, в особенности сельского, как оседлого, так и кочевого – с другой, возможно, гораздо важнее, чем межэтнические или межконфессиональные отношения, хотя нередко это лишь две стороны одной проблемы. Единственная существенная реформа законодательства в этой сфере была проведена в 2008 г. с целью открытия земельного рынка для иностранных инвесторов. Хотя ее реализация осталась ограниченной, эта реформа создала больше проблем, чем разрешила. Она отнюдь не покончила с логикой накопления правящего класса, контролирующего сельскохозяйственные и горнодобывающие концессии, поскольку ключи от рынка и подписание контрактов по-прежнему в его руках. Хотя иностранные инвестиции действительно пришли в страну, они привели к отчуждению значительного количества земель в ущерб мелкому крестьянству и животноводству.

Такой же эффект имело провозглашение – с самыми лучшими побуждениями – неприкосновенности «культурного наследия» после шокировавшего мир разрушения буддистских статуй в 2001 г. Среди его

негативных последствий можно упомянуть выведение из сельскохозяйственного оборота таджикских земель в Бамиане и запрет строительства на них, при том что другие пригодные для эксплуатации земельные участки в этой горной местности отсутствуют (ПМА 2014, 2015).

Вопреки наложению различных текстов, разнородности доказательств собственности, сосуществованию часто противоречивых законодательных норм, дроблению территорий, перепутанности этнических идентификаций и крайней разнородности земельных ситуаций – вся эта эволюция отныне хорошо задокументирована как академическими исследователями, так и экспертами (Adelkhal 2013; Alden Wily 2013a)¹. Но большинством она рассматривается как провал «постконфликтного» урегулирования или как результат бессилия государства, которое, в отсутствие всякого «национального чувства», оказалось несостоятельным перед лицом двойного давления «коррупцированного» политического класса и «традиции». Конечно, ответственность самих афганцев велика. Тем не менее, не коренится ли червоточина в незрелых плодах непродуманного иностранного вмешательства? Суть проблемы заключается, возможно, в самой идее, если не в принципе той помощи, во имя которой действуют афганцы.

Наследие насилия 1979–2001 гг. и мучительная память о нем не исчезли чудесным образом в последующие годы. Война по-прежнему занимает важное место в сознании афганцев. Она продолжает формировать грамматику и даже лексику повседневной общественной жизни. Она стала по сути матрицей сегодняшнего Афганистана, спровоцировав массовые перемещения населения и трансферы собственности. Кроме того, она формирует общественное сознание афганцев, не перестающих возвращаться в прошлое в своих повседневных разговорах – хотя бы потому, что следы боев 1980–1990-х гг. видны повсюду, а окружающий ландшафт, особенно урбанистический, очень изменился. Пейзаж играет мнемотехническую роль, и война остается большим основополагающим нарративом в современном Афганистане. Она тем более не утрачивает актуальности, что воевали между собой не абстрактные сущности – коммунизм, ислам, нация, но живые люди из плоти и крови, связанные между собой близкими узами соседства (*shafa'a*) или родства (*owdourzadegi*), пусть даже политически или экономически сконструированными (Roy 1985; Alden Wily 2004: 27). Конечно, война всегда несет насилие, разрушения и смерть. Но то, что пережил и переживает Афганистан, не сводится только к этому трагическому измерению. С точки зрения социальной война является также экзистенциальным опытом.

Исламский интеллектual Азизулла Ройеш² великолепно резюмировал эту идею в своем труде «Дайте мне дышать». Он, в частности, утверждает, что через войну человек познает жизнь: «Война – это все, она – жизнь, работа, дом; мысль рождается из войны, отношения про-

ходят через войну. Чувства, разум, убеждения, религия – все это война. Люди дышат войной, работают на нее, размышляют о ней, молятся на нее и... умирают за нее» (Royesh 2013: 130).

Изобретение этничности в Хазареджате

Эта статья главным образом основывается на двух полевых выездах 2014 и 2015 гг. в центральный регион Афганистана Хазареджат. Поскольку название этого региона отсылает к идее этнической группы – хазарейцев, следует сразу же напомнить о том, что этничность относится в меньшей степени к объективным группам, имеющим общее происхождение и ясно очерченную территорию, чем к категориям, с помощью которых (само)определяются действующие лица³. По мнению О. Руа (1985), война стала ключевым вектором формирования этнического сознания в Афганистане. Она зафиксировала присутствие четырех крупных групп населения, которые невозможно определить объективно и однозначно: пуштуы, таджики, хазарейцы и убеки. По определению эти категории являются историческими, они относительны и взаимозависимы. Человек может ощутить себя хазарейцем, а не пуштуном или таджиком в конкретной, в той или иной мере травматичной, ситуации, берущей начало в более или менее отдаленном прошлом, а также в зависимости от ставок в современной игре, разворачивающейся в свете этой исторической памяти. Вслед за Р. Таппером (Tapper 1983), О. Руа (1985) и А. Монсутти (Monsutti 2004, 2005) мы отбросим любое примордиалистское определение этничности. Сегодня она зависит, в частности, от взаимоотношений с государством, сложившихся в результате войны, а также от партийных членств. Особенно заметную роль в этнизации сознания хазарейцев – презираемого меньшинства, оказавшегося в тяжелом положении после вывода советских войск в 1989 г., сыграла группировка Хизб-и Вахдат. В то же время то внимание, которое мы уделяем политической экономии этой формы общественного сознания в контексте гражданской войны, не должно заставить нас видеть в нем – в русле справедливо критикуемой парадигмы (Marchal, Messiant 2002, 2003) – исключительно материальные аспекты, состязание алчности и обид рационально мыслящих игроков, озабоченных извлечением максимальной выгоды. Оно не должно также заслонить собой исключительную подвижность и изменчивость коллективных членств, а значит – повседневных проявлений солидарности как на коллективном, так и на индивидуальном уровне. Возможные идентификации множественны и обсуждаемы, и нередко можно видеть различные партии или фракции внутри одного каума⁴. По этому поводу А. Монсутти (Monsutti 2005: 99) говорит, в частности, о существовании настоящих «стратегий диверсификации коллективных членств».

Кроме того, при всей его важности, этническое измерение не следует переоценивать. С одной стороны, оно приобретает смысл только в сочетании с политическим измерением, не важно, милитаризованным или нет. С другой стороны, этническая принадлежность переплетается с языковой принадлежностью, в значительной мере делающей ее относительной и порождающей новые линии конфликтного противостояния, в частности, между дари- и пуштуноговорящими. В то же время языковые конфликты сглаживают, если не размывают бинарный межрелигиозный конфликт между суннитами и шиитами, а также межэтнические противоречия.

Начиная с XIX в. современный Афганистан строился на основе англо-российского договора как буферное государство на границе двух империй. При этом пуштуны-сунниты ханафитского мазхаба подчинили себе другие этнические группы и школы исламского права – джафаритов и низаритов, не говоря уже об индуистах или сикхах, полностью маргинализированных, а то и вытесненных после падения британского колониального режима 1947 г. Хазарейцы – шииты джафаритского мазхаба – оказались в самом проигрышном положении, а хазарейская земля стала проклятой в результате ее покорения в 1891–1893 гг., хотя следует напомнить о том, что Кафрстан (сегодня Нуристан) и Туркестан на севере и северо-востоке также были завоеваны и колонизованы новой пуштунской династией (Ghobar 2011: 483 и сл., 490 и сл.).

Хазареджат – это исторический регион, который никогда не был самостоятельной административной единицей⁵. Вплоть до принятия конституции 1964 г. он был в основном разделен между четырьмя из пяти вилайатов: Гератом, Туркестаном и особенно Кабулом и Кандагаром. Сегодня хазарейцы живут в границах десятка территориальных образований (Agez 2003). Город Бамиан – исторический центр Хазареджата, хотя он никогда не был исключительно хазарейским и шиитским. Сегодня вилайаты Бамиан и Дайкунди являются двумя регионами с преобладающим хазарейским шиитским населением, хотя присоединение в 2003 г. к Бамиану супрефектур Сайган и Кахмард, прежде входивших в вилайат Баглан и населенных соответственно на 63 и 82% таджиками-суннитами, сократило демографическое и религиозное доминирование хазарейцев джафаритского мазхаба. Кроме того, в Хазареджате живет большинство афганских исмаилитов, а также шииты-двунадесятники, ведущие свой род непосредственно от Пророка Мухаммеда, на что указывает их титул «сайед» – при этом некоторые из них, конечно, сунниты. А. Монсутти (Monsutti 2005: 91) характеризует их как «своего рода религиозную аристократию». Группа кызылбашей имеет тюркское происхождение и считается потомками персидского Надир-шаха, захватившего Афганистан в 1738 г. В 2010 г., по оценкам, 75% населения супрефектуры Бамиан составляли хазарейцы, 15% – шииты-двуна-

десятники, 10% – таджики и 0,5% – кызылбаши. Кроме того, из 86 550 жителей супрефектуры 8 345 человек, т.е. чуть меньше 10%, поселились здесь между 2002 и 2012 гг., вернувшись из эмиграции или переехав из других районов страны.

До правления «железного эмира» Абдур Рахман Хана (1880–1901), основателя современного Афганистана, Хазареджат никогда не был политически единым и управлялся племенными вождями (эмирами). При Шир-Али Хане (1863–1879) кочевники-пуштуны, известные как *кучи*, вторглись в регион, перегоняя свои стада на высокогорные пастбища. Под предлогом борьбы с «ересью», царившей в регионе, Абдур Рахман Хан в 1891 г. завоевал его, предварительно обложив население непосильной данью и подвергнув его другим притеснениям: конфискации земель и скота, арестам и депортациям, что спровоцировало мятеж. Военная кампания 1891–1893 гг. не только сопровождалась массовым истреблением населения, но и имела тяжелые последствия для будущего этого региона, колонизованного после почти полной депортации пуштунов – *кучи* и *гильзаев* – в Кабул. Выжившие и оставшиеся в регионе *хазарейцы* (многие из них бежали в иранский город Мешхед, в Кветту в тогдашней Британской Индии или в Россию) были обращены в рабство и лишены всех прав на землю, включая пастбища. Таким образом, они были вынуждены вплоть до наших дней заниматься сельским хозяйством в гористой местности с очень долгой зимой, где пригодных для использования земель катастрофически не хватает. Преемники Абдур Рахман Хана – эмиры Хабибулла Хан (1901–1919) и Аманулла (1919–1929) – положили конец террору в Хазареджате. Они отменили рабство, пересмотрели отдельные дискриминационные нормы в отношении хазарейцев и восстановили некоторые их права, наделив титулами их вождей (эмиров), что привело к соперничеству между последними и к сверхэксплуатации крестьянства (Ghobar 2011: 484). В дальнейшем при Надир-Шахе (1929–1933) и Захир-Шахе (1933–1973) доминирование пуштунов-суннитов в Афганистане, а также превращение шиитов-хазарейцев в подданных второго сорта еще более утвердилось. В 1971–1972 гг. на фоне длительной засухи разразился небывалый голод. В годы правления Мохаммада Дауд-Хана (1973–1978) угнетение хазарейцев усилилось, в частности, под прикрытием закона 1970 г. о пастбищах, признававшего все земли (а не только высокогорные пастбища), пригодные для производства кормов, собственностью государства и запрещававшего перевод пастбищных угодий в пахотные земли. Этот закон способствовал захвату земель пуштунами-кочевниками *кучи*. Однако интересы последних не ограничивались выпасом скота. За десятилетия сверхэксплуатации хазарейских земель они развили транспортную и коммерческую (в частности, ростовщическую) деятельность, гарантирующую им контроль над экономикой региона. Опра-

вившись от великой катастрофы 1891–1893 г., *кучи* отобрали у не имеющих стабильного дохода крестьян-хазарейцев, которых они сделали своими должниками, те немногие права на землю, которые те еще сохраняли (De Weijer 2007; Alden Wily 2013b; Tapper 2008; Mousavi 1998; Monsutti 2004, 2005).

Только после советского вторжения, которое, несмотря на присутствие небольшого гарнизона в г. Бамиан, практически не затронуло Хазареджат – настолько мало интереса представлял этот пустынный регион и настолько сильным и решительным было сопротивление его жителей (Mohaghegh 1984) – хазарейцы начали освобождаться от пуштунского и суннитского ига. Прежде всего, им удалось добиться от центральной власти назначения на пост премьер-министра в правительствах Бабрака Кармала (1981–1988), а затем – Мохаммада Наджибуллы (1989–1991) Султана Али Кештманда, хазарейца родом из Фулади (города в вилайете Бамиан), чьи родители были депортированы в Кабул при Абдур Рахман Хане.

В 1987 г. под влиянием Тегерана вооруженные группы, действующие от имени Исламской республики Иран: Сазман-и Наср, близкая к аятолле Монтазери (1922–2009), и Сипах-и Пасдаран, близкая к Стражам революции, объединились в Революционный совет исламского единства Афганистана, или Шура-и Эттефак, с центром в округе Якавланг вилайета Бамиан, в итоге трансформировавшийся в политическую партию. Группировка Хизб-и Вахдат тоже зародилась в Бамиане в 1989 г., и во главе ее встал харизматичный Абдул Али Мазари (Dorransoro 2000: 158 и сл., 240 и сл.; Monsutti 2005: 92 и сл.; Roy 1985; Mo'aseseeye farhangi Saghalain 1999). Большинство таджиков и почти все пуштуны тогда покинули регион, позволив хазарейцам захватить город. Последние взяли под контроль новый базар в Бамиане, хотя таджики сохранили свою коммерческую активность благодаря сдаваемым в аренду хазарейцам земле и недвижимости, а также налаженным связям с Кабулом, Мазари-Шарифом и Багланом. Они также занимались земельными спекуляциями, строя жилые кварталы и перепродавая по частям недвижимость, принадлежавшую, в частности, пуштунам из городка Дашт-и Исса Хан, на территории которого был построен аэропорт. После падения коммунистического режима в 1992 г. группировка Хизб-и Вахдат стала основным защитником хазарейцев и шиитов в Кабуле. Однако в ходе битвы, опустошившей столицу в 1993 г., она не смогла воспрепятствовать Афшарской резне, охватившей ее западные кварталы. Несколько сотен хазарейцев были убиты, по официальной версии, таджикскими и пуштунскими боевиками под командованием Ахмад-Шаха Массуда и президента Бурхануддина Раббани, однако нельзя исключить пособничество или предательство самих хазарейцев⁶.

Отступив в Хазареджат, формирования Хизб-и Вахдат, тем не менее, сумели ценой жестоких боев отстоять его от завоевания боевиками Ах-

мад-Шаха Массуда в 1995 г. (Dorransoro 2000: гл. 7). После убийства в том же году талибами Абдула Али Мазари группировка Хизб-и Вахдат раскололась надвое. Одна ее часть, под руководством Абдула Карима Халили, уроженца Бехсуда (вилаят Вардак), присоединилась к Северному альянсу полевого командира Дустума; вторая, возглавляемая Мохаммедом Акбари, уроженцем Вараса (вилаят Бамиан), вступила в союз с талибами, а также с Исламской республикой Иран. Два лагеря противостояли друг другу вплоть до 1998 г., когда талибы завоевали Хазареджат после жестокой экономической блокады. Управление регионом было сразу поручено сторонникам Мохаммеда Акбари. Однако люди Абдула Карима Халили продолжили сопротивление, предприняв, в частности, неудачное наступление на Бамиан в мае 1999 г. Бои сопровождались большим количеством жертв и повлекли за собой разрушение 17% городских построек, в том числе базара. Почти все население – около 13 тыс. семей – бежало, и базар перешел под контроль торговцев-таджиков.

Воспользовавшись победой талибов, *кучи* вернулись в регион, чтобы попытаться вернуть свою собственность и право на землю. В январе 2001 г. в округе Якавланг возобновились бои, спровоцировав новый исход хазарейцев под давлением репрессий со стороны талибов и массовой резни, оставившей неизгладимый след в коллективной памяти населения региона.

В ноябре 2001 г. открылась новая страница в истории Хазареджата. Талибы покинули регион под натиском американской интервенции, дав возможность хазарейцам в лице Абдула Карима Халили, ставшего в 2004 г. вторым вице-президентом при Х. Карзае, войти в центральное правительство в Кабуле. Им также удалось в новой политической ситуации оспорить притязания *кучи* и таджиков на землю. Новый политический контекст, более благоприятный для хазарейцев, не привел, однако, к их политической консолидации. Внутри группировки хизб-и вахдат оформились четыре течения: «Хизб-и вахдат-и ислами» Абдула Карима Халили; «Хизб-и вахдат-и ислами-и Афганистан» Мухаммада Акбари; «Хизб-и вахдат-и ислами-и мардом-и Афганистан» Мухаммада Мохакика и «Хизб-и вахдат-и ислами-и меллат-и Афганистан» Эрфани Якаваланги.

В 2015 г. назначение президентом республики Ашрафом Гани на пост главы города Бамиана Мухаммада Тахира Захира, пользовавшегося поддержкой Абдула Карима Халили, показало, насколько остры противоречия. Четыре депутата-хазарейца, в том числе Мухаммад Акбари, воспротивились этому назначению, организовав 16-дневную сидячую акцию протеста напротив префектуры (с 7 по 22 июня). 19 июня университетская молодежь организовала контр-акцию. Прибытие Захира 1 июля несколько не успокоило противодействующие стороны: его противники заперли двери префектуры, а сторонники тем временем устроили демонстрацию с букетами цветов в руках (ПИМА 2015).

На протяжении столетия создание афганского государства и сопровождавшие его социальные явления – среди которых урбанизация, эмиграция, конфискация или перераспределение земель – привели к болезненному формированию хазарейской идентичности, отождествляемой с этнической, если не расовой принадлежностью. С конца XIX в. как пуштунские, так и таджикские элиты считали хазарейцев монголами, и некоторые их антропологические признаки, такие как, например, плоский нос, были объектом повседневных насмешек. Различные факторы способствовали этому «изобретению этничности»: подъем шиитского религиозного самосознания в 1960-е гг. под влиянием аятоллы Мир Али Ахмада Ходжата⁷ и Сайеда Исмаэля Балхи⁸, связанный с иракскими и иранскими священными местами; расцвет в Иране хазарейской литературы сопротивления (Olszewska 2009); музыкальное возрождение, проводником которого стала радиостанция «Радио Хазарги», вещавшая из Кветты с 1975 г.; и последнее, но немаловажное: американское военное вторжение, благодаря которому вновь стало возможным публично отмечать Новруз и Ашуру в Афганистане (прежде эти ритуалы сохранялись только у хазарейцев, живущих в Кветте или в Иране) (Monsutti 2007).

Фактически формирование афганского государства превратило шиитское вероисповедание в религию подчиненных в стране, считающейся суннитской, хотя в Конституции нет упоминания о конфессиональных различиях, а государственной религией провозглашен ханафитский ислам. С 2008 г. в соответствии с новой Конституцией 2004 г. закон о личном статусе – *ahwal-i shakhsiya* – разрешает хазарейцам обращаться в Джафаритский суд, если обе стороны конфликта – шииты⁹. Тем не менее процесс этнизации хазарейцев ведет сегодня к разрыву связи между хазарейской идентичностью и шиитской религией. Некоторые хазарейцы-сунниты, объединившиеся в Совет, настаивают на признании своей двойной – этнической и конфессиональной – идентичности и, что немаловажно, встречают понимание и поддержку со стороны хазарейцев-шиитов, удовлетворенных ростом численности своих соплеменников в перспективе электоральной борьбы, имеющей этническую окраску, а также довольных своим представительством среди религиозного большинства, что позволяет им на равных взаимодействовать с другими идентитарными сообществами¹⁰. Таким образом, результатом процесса этнизации является не столько хазарейская идентичность с четко очерченными границами, сколько «хазаризация» разнородного, порой смешанного населения: например, хазарейцев – носителей пуштунской культуры, или хазарейцев-«метисов» (*doraga*)¹¹. Во всех этнических группах различают хазарейцев по происхождению (*asli*) и «причисленных» к хазарейцам (*wasli*), что позволяет утверждать (или оспаривать) «аутентичность» и «автохтонность» тех или иных семей.

Таким образом, хазарейцы и шииты не представляют собой однородной общности. Помимо разницы происхождения, неравенства, связанного с уровнем образования, достатка или половой принадлежностью, они разделены политически с момента государственного переворота 1978 г. Как уже было сказано, некоторые присоединились к Сазман-и Наср, тогда как другие поддержали Хизб-и харакат (Mohagheh, Mohammad 1984), что привело к расколу партии Хизб-и вахдатт через несколько лет после ее создания. После этого раскола некоторые стали сотрудничать с талибами, а то и прямо вошли в их ряды (Alden Wily 2004: 23). Эти внутренние политические противоречия, вылившиеся в военное противостояние на протяжении трех десятилетий, а также конфликты по поводу земли, недвижимости или финансов, питают недоверие и враждебность между шиитами, в особенности между хазарейцами и сайедами. Последних часто обвиняют в том, что они пользовались покровительством талибов (а в годы монархии – господствующего класса: пуштунов). В определенном смысле война дала хазарейцам возможность освободиться от социального доминирования сайедов, пуштунов и таджиков. Этот процесс разворачивался отчасти по ливанскому образцу, поскольку его идеолог – Абдул Али Мазари – был близок к лидеру Хезболлы Мустафе Чамрану, а также перенял опыт у других антиимпериалистских иранских или палестинских полевых командиров¹². После 2002 г. ситуация осложнилась соперничеством между хазарейцами, которые оставались в Хазареджате в годы войны (*watani*), и теми, кто выбрал эмиграцию, в частности в Иран (*zawari*), и вернулся оттуда, обогащенный опытом пребывания в диаспоре, и, наконец, теми, кто приехал из других регионов страны (в частности, из Газни, исторической вотчины интеллектуальных элит благодаря связи с Пакистаном), чтобы поселиться в Хазареджате, который отныне воспринимается как земля хазарейцев по определению (ПМА 2014–2015; Adlparvar 2015: 152 и сл.).

Реконструкция государства, помощь в развитии и изобретение этничности

Западное военное вторжение 2001 г. и последовавшая за ним «реконструкция» государства интенсифицировали процесс изобретения хазарейского Хазареджата и этнизации хазарейцев. Иностранное присутствие, порожденные им финансовые потоки и открывшиеся экономические возможности, а также насаждаемые институциональные схемы усугубили этнизацию и/или конфессионализацию афганского общества, не менее, чем возвращение беженцев и эмигрантов, инвестиции афганской диаспоры и урбанизация – и это несмотря на то, что политически и идеологически помощь в развитии была нацелена на преодоление

ние унаследованных от прошлого расколов, этого воплощения «традиций», якобы бывших причиной политического кризиса, в который страна погрузилась с 1970-х гг. Вдохновленная экспертами Международных сил содействия безопасности (ISAF) Конституция 2004 г. также опирается на примордиалистское понимание этничности и конфессиональной принадлежности и открыто признает права этносов, тем самым реифицируя последние. Тот факт, что теория национальностей (*mellat*), существовавшая при народно-демократической партии Афганистана (1978–1979) и при советской оккупации (1979–1989), возродилась под «зонтиком» НАТО, можно считать иронией истории. «Реконструкция» мыслилась по этническому или конфессиональному принципу, в соответствии с которым издавались законы, распределялись финансы, министерские и административные посты, мобилизовался электорат, возникали земельные споры и супружеские конфликты. Хазарейцы, традиционно занимавшие в Афганистане подчиненное положение, впервые почувствовали себя объектом позитивной, а не негативной дискриминации: они получили наибольшую выгоду от политики выделения ресурсов по этноконфессиональному принципу, хотя их жизнь не стала от этого намного лучше. Как уже говорилось, Конституция 2004 г. и закон о личном статусе 2008 г. узаконили джафаритские суды. Однако вековые соперники хазарейцев – *кучи* также были признаны отдельной этнической группой, и в этом качестве Конституция гарантировала им улучшение жизненных условий и доступа к образованию (Tapper 2008). Двойная реификация этих «врагов-не-разлей-вода» чревата серьезными опасностями, как уже показали кровавые столкновения между хазарейцами и *кучи* в Вардаке в 2010 г., в Газни между 2010 и 2012 гг., а также этнополитическая мобилизация депутатов – хазарейцев и пуштунов в защиту своей клиентелы в преддверии парламентских выборов.

Тот факт, что пост префекта (*wali*) вилаята Бамиан был впервые в истории отдан хазарейцу, является одной из наиболее красноречивых иллюстраций этнизации реконструкции афганского государства под эгидой международной помощи. Этот пост последовательно занимали Мухаммад Рахим Алиар в 2003 г., Хабиба Сараби (первая женщина на такой высокой должности) в 2005 г., Гулам Али Вахдат в 2014 г. и, наконец, в 2015 не без проблем на него был назначен Тахир Захир. Другой пример: около десятка административных работников нижнего звена в Шибаре (вилаят Бамиан) – хазарейцы-шииты-двунадесятники, в то время как 30% его населения составляют таджики-сунниты, а почти половина проживающих здесь шиитов относится к исмаилитам. За всеми этими назначениями последовал набор чиновников и служащих – хазарейцев, отобранных по этническому, если не фракционному критерию: вышеназванные фигуры близки к Абдулу Кариму Халили и Мухаммаду Мохаккику. Это немедленно сказалось на политике наделения

землей и иными государственными ресурсами и признания земельных прав, проводимой отныне в пользу хазарейцев и в ущерб таджикам и сайедам (Adlparvar 2014: гл. 5). Таким образом, помимо сферы политики и управления, этнизация распространилась и на экономическую сферу: так, на базаре в Бамиане осталась лишь горстка торговцев-таджиков вместо примерно двух с половиной тысяч в 1970–1980-е гг. К тому же хазарейцы покупают товар только у своих соплеменников. Нередко можно услышать: «Хазареец не ест таджикский хлеб».

Политэкономия «реконструкции» с неизбежностью наложилась на этнополитическую память о войне и предшествующих периодах в стране, где любые попытки проследить право собственности в высшей степени противоречивы в зависимости от того, какие приводятся доказательства: политические, юридические, ссылки на обычное право – письменное или устное, что делает любую отсылку к прошлому актуальной и потенциально конфликтной (Alden Wily 2004; Monsutti 2008). В период выборов афганцы легко различают среди кандидатов боевиков, сопротивлявшихся советской оккупации (тех, кого называют джихадистами) и бывших эмигрантов (мохаджиров). Точно так же они различают предпринимателей в зависимости от происхождения их состояния и их проектов. Каждый знает всю подноготную того или иного хозяина отеля, застройщика жилого квартала или рыночного торговца. Этническая и конфессиональная идентификация предпринимателей и получателей международной помощи напрашивается сама собой, и иностранцы приспосабливаются к этому, а иногда и сами на этом играют. Например, множество НПО, появившихся в вилайате Бамиан и пользующихся западной или японской финансовой поддержкой, очень быстро были переориентированы с помощи женщинам или борьбы с бедностью на межэтнические и межконфессиональные отношения в том виде, в каком их переопределила война (Anjoman-i nevisandegan-i Vatman 2011). Военное сопротивление Абдула Карима Халили наступлению талибов в 1996–1998 гг. и его политическое возвышение при президентстве Хамида Карзая довершили процесс «хазарификации» провинции, в которой прежде господствовали таджики и сайеды (первые, впрочем, продолжают осуществлять экономический и финансовый контроль из Кабула, Баглана, Мазари-Шарифа и Кундуза), а также населения, которое раньше воспринимало себя скорее как шиитов, нежели в этническом ключе, оказавшемся более важным в процессе структурирования военного сопротивления или политических партий – в данном случае Хизб-и Вахдат, или, вернее, ее четырех ответвлений. В свою очередь, большинство организаций международной помощи приняли за чистую монету это «хазарейство» Хазареджата, а после 2004 г. и сами хазарейцы массово потянулись в регион из Газни или Балха, а также из-за границы, чтобы попытаться воспользоваться ман-

ной международной помощи под лозунгом «возвращения к корням». Абдул Карим Халили поощрял это движение с целью увеличения числа своих избирателей накануне президентских выборов 2003 г., на которых он поддержал кандидатуру Хамида Карзая, в частности, мобилизуя голосование женщин – к вящему удовольствию НПО международного гражданского общества. Таким образом, этнизация и конфессионализация региона вполне может ужиться с приоритетами помощи развитию и «реконструкции» государства. И наоборот, международная помощь иногда производит «негативные» этнические идентичности, в частности, отказываясь работать в регионах, считающихся слишком радикальными или консервативными, а следовательно, опасными, среди которых преимущественно таджикские провинции Сайган, Кахмард, Шибар или юг страны, занятый талибами.

Однако эти процессы скрывают более сложные линии разлома. Как мы видели, хазарейцы бамиана не едины. Хазарейцы-автохтоны отныне соседствуют, не без трений, с хазарейцами, прибывшими из Газни, Герата или Мазари-Шарифа, а также вернувшимися из Ирана. Как и другие этнические общности страны, хазарейцы разделены изнутри не абстрактной идентичностью, а вполне конкретным социальным неравенством. Как показывает рассмотренный в начале статьи случай городка Фатмасти, ситуация выглядит еще более сложной на микролокальном уровне. Имея дело с такой фрагментированной социальной структурой, управляемой обычно двойным – родовым (*qawm*) и территориальным (*manteqa*) принципом, необходимо, как это уже очень давно продемонстрировал О. Руа (Roy 1985), не упускать из виду тот факт, что этнизация афганского общества – процесс изменчивый, политически и исторически конструируемый, по меньшей мере со времени централизаторского правления Абдур Рахман Шаха. Природа этого процесса у хазарейцев исследована А. Монсутти (Monsutti 2004, 2005). В данном случае этнизация не основана на территориализации племенных идентичностей, которую можно было бы отразить на одной из знаменитых, но от того не менее фантастических «этнических карт». Напротив, она базируется на перемещениях населения: либо добровольных, мотивированных экономическим интересом; либо принудительных, провоцируемых центральной властью – применительно к Хазареджату их причиной стали злоупотребления в ходе аграрной реформы (1976–1979) или война (1979–2001).

Таким образом, необходимо принимать во внимание не только локальные и социальные связи, но и мобильность кочевого населения, и сезонную миграцию, эмиграцию и принадлежность к диаспоре, а также учитывать подвижность и изменчивость этноконфессиональных идентификаций. Важное место следует отвести и еще одному фактору: соседству (*shafa'a*) между поселенческими или этническими группами –

источнику конфликтов и компромиссов, конкуренции и солидарности (Mumtaz 2013; Monsutti 2008).

Политическая и моральная экономика этничности

«Реконструкция» – лишь один из моментов долгой истории Афганистана, эпизод, изменивший ее ход благодаря мощности ресурсов, направленных в страну, а также введения представительских институтов, способствующих этнизации политической жизни посредством выборов. С этой точки зрения иностранная интервенция с 2001 г. сделала политически корректным содействие интеграции «меньшинства», которым в афганской политической системе являются хазарейцы, ценой этнической реификации их идентичности. При этом их социально-экономическое положение осталось подчиненным, в том числе в Хазареджате – регионе особенно бедном по причинам в том числе географическим. Большинство земельных участков здесь почти не имеют рыночной стоимости за пределами этой гористой местности, поскольку они расположены на склоне и подвержены эрозии, сползанию почвы и смыву ее дождями.

Поощряемая секьюритизацией земельной собственности, территориализация этничности усиливает предвзятость в распределении иностранной помощи. Порой распорядители финансов руководствуются собственными стратегическими, религиозными или культурными мотивами: так, Иран отдает предпочтение хазарейцам, Пакистан – пуштунам, Турция – узбекам, а Фонд Ага-Хана – исмаилитам. Но помимо этих политических подходов существуют еще соображения целесообразности: хотя большинство иностранных организаций, соблюдая политкорректность, нанимает некоторое количество хазарейцев, они все равно вынуждены опираться на пуштунов при работе на юге страны, на таджиков или узбеков – на севере. Разумеется, в Хазареджате резонно нанимать хазарейцев. Однако, несмотря на это, рабочие места в иностранных НПО в первую очередь достались суннитам – хотя бы потому, что они составляют большинство, но также потому, что они зачастую лучше образованны и лучше владеют английским языком.

Этнические сети, в свою очередь, стремятся воспользоваться финансовыми потоками международной помощи развитию и иностранным присутствием. Так, хазарейцы используют организации и проекты правозащитного толка, таджики активны в плане научного и культурного сотрудничества и в СМИ, пуштуны незаменимы в сфере телекоммуникаций по очевидным причинам безопасности (только они могут свободно перемещаться в пуштунских районах), а также благодаря соответствующему образованию, которое многие из них получили, находясь в эмиграции в Пакистане в 1980–1990-х гг.

После 2002 г. диаспора, международное сообщество и иностранные войска, находящиеся на территории Афганистана, наводнили страну деньгами, что привело к повышению цен в определенных сферах, среди которых недвижимость, отели и рестораны, воздушный транспорт, аренда машин. Подорожали также импортные продукты и некоторые местные услуги, например аренда свадебных залов. Денежные потоки нарушили равновесие прежних социальных связей, в особенности внутрисемейных, а иногда изменили самцу их природу. Результатом стала сложная помесь традиционализации и монетаризации родственных отношений.

Во всех социальных слоях доллар диктует свои законы: отцы не столько отдают своих дочерей замуж, сколько продают их, иногда очень дорого, порой еще в колыбели. Небогатый крестьянин может быть вынужден уступить дочь после нескольких неурожаев, но и глава обеспеченной и знатной семьи, который может рассчитывать на щедрое вознаграждение со стороны претендента на руку невесты, жаждущего повысить свой социальный статус, зачастую ведет себя таким же образом. Здесь вступают в силу сложные социальные стратегии, результатом которых становится инфляция брачного выкупа (*pul-i shir*). Например, отец, желая выдать дочь за одного из своих двоюродных братьев, может объявить неуголному претенденту, не обижая его, заведомо высокую сумму выкупа. И если последний откажется платить, что случается нередко, то стоимость выкупа все равно возрастает.

Под влиянием Независимой комиссии по правам человека в Афганистане, Миссии ООН по содействию Афганистану, а также множества НПО, озабоченных защитой прав женщин и соблюдением законности, афганский брачный рынок стал регулироваться юридически. В свою очередь это повлекло за собой его ускоренную монетизацию, поскольку суды – не только официально платные, но и, поговаривают, не отказывающиеся от взяток – непрерывно выносили решения относительно размеров брачного выкупа, растущего с той же скоростью, что и стоимость жизни. Причудливое сочетание денег, закона и обычая породило, например, такую практику, как компенсаторные матримониальные обмены, призванные остановить «зло» (*bad* или *badal*), а именно межсемейное, межклановое или межэтническое насилие. Известны даже случаи намеренного развязывания конфликта с целью уладить дело таким образом. Антагонизм и выгода оказались тесно связанными между собой, так что часто можно заподозрить жалобщика в том, что он нарочно затеял ссору, чтобы не платить брачный выкуп.

Наряду с земельными спекуляциями и идеологическими разногласиями, также связанными с иностранным присутствием, все это привело к деформациям в афганском обществе, имеющим высокую человеческую цену. Прежде всего, речь идет о межпоколенческом разладе, чтобы не

сказать разрыве. Молодежь часто более образованна и лучше ориентируется в деятельности международных организаций, а знание английского языка открывает ей профессиональные и финансовые возможности, как правило, недостижимые для старшего поколения. Это дестабилизирует статусные отношения: молодежь претендует на большую самостоятельность в принятии решений в по-прежнему патриархальном племенном обществе, а старшее поколение, в свою очередь, недовольно тем, что успешность молодых подрывает его авторитет. К этому добавляется дестабилизация отношений между супругами, например, когда жена имеет собственный доход благодаря работе в НПО, в то время как ее муж – безработный или же вынужден довольствоваться невысокой зарплатой, обычной для афганской экономики. При этом женщине следует вести себя очень осторожно, чтобы не вызвать интереса к себе среди коллег-мужчин: в случае развода с мужем она потеряет не только социальный статус, но и рабочее место. Бывают ситуации, когда женщина, желающая открыть у себя в доме ясли, вынуждена платить солидную сумму за аренду комнаты собственному мужу. Кроме того, женщины начинают требовать права на наследство: взрывоопасная ситуация с точки зрения как обычного, так и исламского права. Усиливается и внутрисемейная конкуренция «между равными» – между двоюродными братьями или племянниками, например, когда один из них устраивает пышную свадьбу на зависть остальным и тем самым наносит урон их репутации.

В целом можно сказать, что многочисленные линии раскола и конфликтов, пронизывающие афганское общество, усиливаются его чрезвычайной фрагментированностью, запутанностью земельных владений, этнических и конфессиональных идентичностей, принадлежности к семьям и кланам. Любое распределение ресурсов или инвестиций предполагает выбор в пользу той или иной местности – и, следовательно, в ущерб остальным. Это очень заметно в сфере сельской инженерии: водоснабжение и плата за его использование, время ожидания подключения к водопроводной сети, а также иногда нежелательные последствия для окружающей среды создают новое поле для конфликтов между деревнями или городами.

Финансовый и потребительский пузырь, непрерывно растущий с 2002 г., провоцирует опустошительные социальные потрясения. Те, кто обладает властью, используют ее для удовлетворения своих сексуальных потребностей – кто под дулом винтовки, кто в обмен на доллары или на оценку на университетском экзамене. Индивидуация женщин, вернувшихся из-за границы – с Запада, из Ирана или Пакистана – или посещающих школу, вызывает озлобление их мужей, отцов или братьев, неспособных признать, что они могут вести себя не так, как другие женщины. Супружеская ревность, чувство тем более опасное, что оно

связано с защитой чести семьи, также может сыграть свою роль. Человеческая цена всех этих трений ужасающе высока. Многих женщин они доводят до самоубийства (путем самосожжения, отравления пестицидами или крысиным ядом), другие подвергаются жестоким и бессмысленным наказаниям – отрезанию носа или ушей. Подобные издевательства многократно описаны прессой применительно к Бамиану, Дайкунди и Герату – и, что кажется странным, реже отмечаются в пуштунском, таджикском и узбекском обществах, имеющих при этом репутацию более консервативных. Однако насилие является обычным делом и при разрешении земельных, семейных, межэтнических или межконфессиональных конфликтов. Откровенная милитаризация этой сферы с подачи полевых командиров представляет собой крайнюю форму использования силы как способа социального регулирования.

Справедливо или нет, население возлагает ответственность за неконтролируемое распространение огнестрельного оружия на международные организации: не имея возможности легально приобрести оружие для самозащиты и защиты своего имущества, многие семьи добывают его незаконно, а американские военные регулярно проводят в домах обыски и конфискации. Массовый набор полицейских из числа местных жителей (около 30 тыс. чел.), которых население воспринимает как арбаков – самозванцев, контролировавших жилые кварталы и игравших главную роль в социальном насилии и гражданской войне, – также способствует милитаризации афганского общества (Dogronoro 2000: 127). Другими словами, международная помощь и генерализация насилия взаимно подпитывают друг друга, а от частных столкновений и разборок недалеко до гражданской войны, которую иностранное присутствие как раз должно было бы предотвратить.

И последнее обстоятельство, заслуживающее внимания. Провозглашенное следом за американским вторжением возвращение к мирной жизни и формирование законно избранного правительства лишило афганскую эмиграцию легального основания в глазах иностранных государств, в частности европейских стран и Ирана, которые отныне препятствуют ей, поскольку она, строго говоря, не соответствует критериям статуса беженца и права на убежище. Тем не менее, как давно продемонстрировали исследования А. Монсутти, миграционная мобильность афганцев, и в частности – хазарейцев, не поддается жестким классификациям. Последние издавна ведут образ жизни «путников», членов как минимум столетней диаспоры, подчиняющейся циклическому ритму миграций, вызванных, последовательно, а иногда одновременно, политическим изгнанием, борьбой за выживание, профессиональными, учебными или религиозными мотивами. Миграция является не только средством защиты, средством существования или обогащения, но и формой утверждения собственной зрелости и поистине об-

разом жизни. Кроме того, денежные переводы мигрантов необходимы для развития экономики страны, испытывающей мощнейшую демографическую нагрузку на фоне нехватки земли (Monsutti 2004, 2009; Gehrig, Monsutti 2003). Один только Хазареджат получал каждый год порядка 200 млн долларов от афганцев, работающих в Иране (Monsutti 2009: 102, сноска 37). Таким образом, налицо вопиющее противоречие между демонстрируемыми добрыми намерениями и эффективностью проводимой политики. Афганские подростки, бегущие через границу в Иран, Турцию, балканские страны и в Евросоюз, чтобы попытаться у Северного вокзала в Париже или у туннеля под Ла-Маншем в Кале, – яркая иллюстрация пагубных последствий территориализованного подхода к реконструкции государства, применяемого к мобильному населению.

Деформации, порой драматические, вызванные в афганском обществе западным вторжением, создают эффект ножниц. Во-первых, распорядители финансовой помощи, официальные лица и НПО остаются в плену культуралистского, если не ориенталистского, подхода к стране, которую они сами в каком-то смысле помогают традиционализировать и этнизировать. Они первые готовы сослаться на «обычай» (*rawaj*) и обращаться за советом к «старейшинам» при разработке своих проектов. Они не обращают внимания на то, что подобные советы, иногда продиктованные материальными или фракционными интересами, могут привести к усугублению социальных конфликтов, особенно в аграрной сфере, и готовы закрыть глаза на противоречия между «обычаем», отдающим предпочтение мужчинам перед женщинами, братьям перед сыновьями, старшим перед младшими и винтовке перед документами, и их собственной целью продвижения подчиненных социальных категорий, в особенности женщин, а также построения правового государства, управляемого законом и разумом, а следовательно бюрократического. Точно так же иностранцы принимают за чистую монету исламский характер афганского общества и местного права, в то время как это не всегда так: в частности, земельные отношения и право наследования не регулируются исламской юриспруденцией – фикхом (*fiqh*).

Во-вторых, помощь в развитии может дестабилизировать это общество, именуемое «традиционным», игнорируя его тайные пружины и мечтая начать с чистого листа, ускоренно внедряя монетизацию и рыночные отношения, поощряя секьюритизацию собственности и подрывая тем самым право совместной собственности и исторические компромиссы соседства (*shafa'a*), создавая новые меньшинства, безопасность которых невозможно обеспечить, предоставляя образование и

работу ничтожно тонкому слою женщин и молодых мужчин и тем самым подталкивая их к оспариванию социальной субординации и, наконец, создавая новые основания для политической и профессиональной легитимности, как правило – в ущерб «традиционным» авторитетам.

Этот комплекс противоречий, неразрывно связанных с помощью развитию, чреват социальными, политическими, а то и военными конфликтами. Сложные логики, лежащие в основе этих конфликтов, коренятся в хитросплетениях локальности (*manteqa*) и сегментарности (*qawm*) афганского общества, понять которые иностранным правительствам, распорядителям помощи и их подручным НПО мешает деформирующая и ограничивающая оптика культуралистского взгляда на афганское общество. Упрощая и реифицируя общество с помощью обманчивых признаков традиции и этничности, эта оптика полностью игнорирует его радикальную трансформацию под влиянием войны и эмиграции.

Подгоняемые календарем, которому подчиняются бюджеты; зависящие от посредников, выбранных по принципу их доступности, владения английским языком и управленческих навыков, распорядители международной помощи действуют в Афганистане подобно слону в посудной лавке. Хуже того, они нагружают традиционные социальные конфликты новым содержанием, связанным с землей, бизнесом, банковской сферой, зарплатой или образованием. Три кита, на которых зиждется афганское общество: женщина (*zan*), деньги (*zar*) и земля (*zamin*) – более чем когда-либо провоцируют конкуренцию и противостояние. Ресурсы, создаваемые в процессе развития, экономического роста и интернационализации торговли, а также порождаемая ими алчность также чреваты конфликтами. В то же время правовое бюрократическое государство, даже если для его появления хватит политических и финансовых средств, не кажется оптимальным механизмом для мирного разрешения социальных противоречий, особенно в земельной сфере. Неформальные процедуры арбитража между сторонами конфликта, которыми в совершенстве владеют талибы, видимо, лучше приспособлены к конкретным условиям страны, во всяком случае – ее сельской местности, хотя они и ведут к воспроизводству социального доминирования (Sadeghi 2013; Waczko 2013; De Lauri 2013). Кроме того, «капитализм» не способен разрешить важнейший вопрос сосуществования пастухов и земледельцев, и любая эксклюзивная секьюритизация пахотных земель или превращение пастбищ в объект купли-продажи будет иметь катастрофические последствия (Alden Wily 2013b). На местах люди действительно требуют предоставления документов о собственности, единственно способных, на их взгляд, гарантировать защиту, пусть иллюзорную, их имущества – но при этом настаивают также на соблюдении обычного права, в частности, в том, что касается соседства (*shafa'a*), несущего с собой этику коллективной ответственности.

Кроме того, столь гористая и пустынная страна, как Афганистан, где недостаток пахотных земель усугубляется растущей демографической нагрузкой, не может надеяться лишь на внутренние ресурсы для социально-экономического подъема. На протяжении десятилетий мобильность населения была основным способом его выживания, а иногда и некоторого обогащения. Тридцать последних лет денежные переводы эмигрантов являлись основным источником трансформации общества. Напротив, любые препятствия свободному перемещению людей ведут к росту внутренней напряженности. В конце 1940-х гг., например, независимость Пакистана прервала трансграничное кочевничество *кучи*, создав избыточное давление на пастбища Хазареджата. Развитие Афганистана невозможно без международной мобильности афганцев. Финансовая помощь и политика, которые не берут в расчет это обстоятельство, не принесут ни социальных изменений, ни экономического роста, и даже не помогут «запереть» население внутри страны, на что надеются западные страны и Иран.

Вот уже 15 лет мир, напуганный экстремизмом талибов и угрозой, которую они представляют для международного сообщества, смотрит на Афганистан исключительно сквозь призму джихадистской угрозы. В то же самое время страна пытается донести до Европы другое послание, которого последняя не хочет услышать, несмотря на наплыв беженцев: как построить государство, соответствующее международным нормам, добиться хотя бы минимального экономического роста и социальной справедливости, и при этом учесть необходимость мобильности населения и взаимодействия с диаспорой, насчитывающей несколько миллионов человек?

Было бы преувеличением не видеть ничего позитивного в иностранной интервенции 2001 г. Новый режим создал политическое пространство, в рамках которого все так называемые этнические группы могут договариваться о распределении внешней финансовой помощи если не на равных, то по меньшей мере на конкурентной и компромиссной основе, сами же ресурсы в данном случае играют ту же роль, что налоги в западных странах. На фоне двухсотлетней истории Афганистана это настоящий прогресс. Но этот путь развития отягощен неустойчивостью и неопределенностью.

Примечания

¹ См. также публикации *Integrity Watch Afghanistan* (<http://iwaweb.org>), *Afghanistan Public Policy Research Organization* (<http://appro.org.af>) и *Afghanistan Research and Evaluation Unit* (<http://www.areu.org.af>).

² Шиит и хазарец, Азизулла Ройеш – исламский реформист, испытавший сильное влияние иранского философа Али Шариати. Основатель и директор пилотного лицея Маррефат в Кабуле, в 2015 г. он был включен комитетом Всемирной учительской премии в список десяти лучших учителей мира.

³ Афганистан сыграл важную роль в проблематизации этничности в духе Ф. Барта (см., в частности, Tarper 1983; Digard 1988). Этому же подходу придерживается Н. Адлпар-

вар (Adlparvar 2015). В качестве обобщающей работы по этничности в Афганистане см. (Centlivres 1991).

⁴ Каум (*qaum/qaum*) – специфическое афганское родственное сообщество, определяющее идентичность индивида в его социальном окружении (см. Roy O. Islam and Resistance in Afghanistan. Cambridge, 1986; Лалетин Ю.П. Политическая система Афганистана: воздействие племенной организации // Восток. 2008. № 2. С. 137–149. – Прим. пер.).

⁵ Я использую следующие переводы афганских административных терминов: вилайат (*wilayat*) – префектура; вали (*wali*) – префект; волусвали (*woluswali*) – супрефектура и волусвал (*woluswal*) – супрефект; гарийя (*ghariya*) – округ. Термин *manteqa* (букв. регион, местность) не имеет официального административного значения, но обозначает базовую единицу территориального сознания, объединяющую несколько деревень в четко определяемую локальность более низкого уровня, чем *ghariya*. Этот уровень территориальной идентичности сыграл решающую роль в войне и представляет собой столь же важный принцип солидарности, как и клановый принцип каума.

⁶ Эта версия событий опровергается самими хазарейцами, которые винят в случившемся межфракционную рознь, а иногда указывают и на роль сайедов (ПИМА 2014). См. также (Royesh 2013: 139 и сл.).

⁷ Мир Али Ахмад Ходжат (*Mir Ali Ahmad Hojjat*) – верховный афганский шиитский авторитет, основатель первой шиитской религиозной школы в Кабуле. Умер в 1974 г.

⁸ Сайед Исмаэль Балхи (*Sayed Esmael Balkhi*) – основатель современного шиитского исламского движения, известный как родоначальник требования политической автономии хазарейцев. Умер в 1968 г.

⁹ Речь идет о законе, регулирующем браки, разводы и наследование.

¹⁰ См. Bouda, A. Barnahadehai bar bab-e 'shora-i hazaraha-i ahl-i sonnat dar afghanistan', 26 Sowr 1394/2015

¹¹ См.: Yazdani (2011: 267 и сл.). Автор убежден в существовании «настоящих» хазарейцев, утверждая в то же время, что смешанные браки могли изменить их физический облик, и что есть хазарейцы «пуштунизированные» и «смешанные» (*dorageh*).

¹² Интервью с президентом Совета мира Салехом Алияром и директором телеканала Rahe-e-Farda Мустафой Макаремом (Кабул, 2014 и 2015).

Перевод с французского Е.И. Филипповой

Источники и материалы

ПИМА 2014, 2015 – полевые материалы автора.

Anjoman-i nevisandegan-i Bamyan 2011 – Shanasnamah nahadha-i madani va ahzab-i siyasi-i welayat-i Bamyan va Daikundi [The booklet of institutions of civil society and political parties in the regions of Bamyan and Daikundi], (Bamyan, 1390/2011).

References

- Abdolghodus, J.S. (2009) *Jangha-i Kabul 1371-1375* [The Battles of Kabul, 1992-1996], Bochum, Nashr-i Ida, 1387/2009.
- Adelkhah, F. (ed.) (2013), "Guerre et terre en Afghanistan" [War and Land in Afghanistan], *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*, 133, <https://remmm.revues.org/7936>.
- Adlparvar, N. (2015) "When Glass Breaks, It Becomes Sharper": de-constructing ethnicity in the Bamyan Valley, Afghanistan, thèse de doctorat, Université de Sussex (Brighton: IDS) <http://sro.sussex.ac.uk/56083/>.
- Alden Wily, L. (2004) *Land Relations in Bamyan Province. Findings from a 15 Village Case Study*. Kaboul: Afghanistan Research and Evaluation Unit.
- Alden Wily, L. (2013a) *Land, People, and the State in Afghanistan: 2002-2012*. Kaboul: Afghanistan Research and Evaluation Unit.

- Alden Wily, L. (2013b) "The Battle for Pastures: The Hidden War in Afghanistan", *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*, 133: 95–113.
- Andishmand, M. E. (2009) *Hizb-i demokratik-i khalq-i afghanistan. Koudata, hakemiyat va foroupanashi* [The People's Democratic Party of Afghanistan. The coup, sovereignty and collapse]. Kabul: Mayvand, 1388/2009.
- Arez, G. J. (2003) *Sarhadat va taghsimat-i idari-i afghanistan dar toul-i tarikh* [Afghanistan's borders and administrative divisions in history], Peshawar: Kor, 1382/2003.
- Azimi, M. N. (2012-2013) *Yadmandehai az jang-i Jalalabad* [What remains of the memories of the battle of Jalalabad], Kabul: Vatan, 1391/2012–2013.
- Baczko, A. (2013) "Les conflits fonciers comme analyseurs des guerres civiles: chefs de guerre, militaires américains et juges Taliban dans la Kunar" [Land Conflicts as Analyzers of Civil Wars: Warlords, American Soldiers and Taliban Judges in Kunar], *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*, 133: 115–132.
- Centlivres, P. (1991), "Exil, relations interethniques et identité dans la crise afghane" [Exile, Interethnic Relations and Identity in the Afghan Crisis], *Revue du monde musulman et de la Méditerranée*, 59(1): 70–82.
- De Lauri, A. (2013) "Terre, normes de propriété et litiges à Kaboul" [Land, Property Rules and Disputes in Kabul], *Revue du monde musulman et de la Méditerranée*, 133: 133–149.
- De Weijer, F. (2007) "Afghanistan's Kuchi pastoralists: change and adaptation", *Nomadic Peoples*, 11(1): 9–37.
- Digard, J.-P. (dir.) (1988) *Le Fait ethnique en Iran et en Afghanistan*. Paris: Editions du CNRS.
- Dorronsoro, G. (2000) *La Révolution afghane. Des communistes aux talibans* [The Afghan Revolution. From Communists to Taliban], Paris: Karthala.
- Gehrig, T. et A. Monsutti (2003) "Territoires, flux et représentations de l'exil afghan: le cas des Hazaras et des Kaboulis" [Territories, Flows and Representations of the Afghan Exile: The Case of the Hazara and Kabulis], *A contrario*, 1: 61–78.
- Ghobar, M. G. M. (2011) *Afghanistan dar masir-i tarikh* [Afghanistan and its Historical Trajectory], Téhéran: Erfan, 1390/2011.
- Marchal, R. et C. Messiant (2003) "Les guerres civiles à l'ère de la globalisation. Nouvelles réalités et nouveaux paradigmes" [Civil Wars in the Age of Globalization. New Realities and New Paradigms], *Critique internationale*, 1(18): 91–112.
- Marchal, R. et C. Messiant (2002) "De l'avidité des rebelles. L'analyse économique des conflits par Paul Collier" [On the Greed of Rebels. Paul Collier's Economic Analysis of Civil War], *Critique internationale*, 3(16): 58–69.
- Mo'aseseyeh farhangi Saghalain (1999) *Shorayi etelaf, zamineh saz-i ettehad-i shi'ayan*, Téhéran: Mo'aseseyeh farhangi Saghalain, 1378/1999.
- Mohaghegh, Mohammad (1984) *Khaterat-i yek sangar neshin. Goushei az jenayat-i khawanin dar enghelab-i eslami-i afghanestan* [The memories of a trench man, Vol 1, Part of the Crimes of Landowners in the Islamic Revolution of Afghanistan], s.l., Sayed Habibollah Shafagh, 1363/1984.
- Monsutti, A. (2009) "Itinérances transnationales: un éclairage sur les réseaux migratoires afghans" [Transnational Itinerancies: A Look at Afghan Migratory Networks], *Critique internationale*, 44(3): 83–104.
- Monsutti, A. (2008) "The impact of war on social, political and economic organization in Southern Hazarajat" in M.-R. Djalili, A. Monsutti et A. Neubauer (dir.) *Le Monde turco-iranien en question*, Paris: Karthala: 195–209.
- Monsutti, A. (2007) "Image of the Self, image of the Other: social organization and the role of 'Ashura' among the Hazaras of Quetta (Pakistan)" in A. Monsutti, S. Naef et F. Sabahi, (eds.) *The Other Shiites: From the Mediterranean to Central Asia*, Berlin: Peter Lang: 173–191.
- Monsutti, A. (2005) *War and Migration. Social Networks and Economic Strategies of the Hazaras of Afghanistan*, New York: Routledge.

- Monsutti, A. (2004) *Guerres et migrations. Réseaux sociaux et stratégies économiques des Hazaras d'Afghanistan* [Wars and Migrations. Social Networks and Economic Strategies of the Hazaras of Afghanistan] Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme.
- Mousavi, S. A. (1998) *The Hazaras of Afghanistan. An Historical, Cultural, Economic and Political History*, Surrey: Curzon Press.
- Mumtaz, W. (2013) "Three Faces of Shafa'a. Land Ownership on Trial in Ningharhar", *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*, 133: 169–185.
- Olszewska, S. (2009) *Poetry and its Social Contexts among Afghan Refugees in Iran*, PhD thesis, Wolfson College, Oxford University.
- Roy, O. (1985) *L'Afghanistan. Islam et modernité politique* [Afghanistan. Islam and political modernity], Paris: Seuil.
- Royesh, A. (2013) *Bogzar nafas bakasham* [Let Me Breathe], Kaboul: Entesharat-e tak, 1391/2013.
- Sadeghi, A. R. (2013) "La protection de la propriété terrienne entre loi et arbitrages" [Legal Protection of Real Property in Afghan formal and customary Law], *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*, 133: 83–91.
- Tapper, R. (2008) "Who are the Kuchi? Nomad self-identities in Afghanistan", *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 14(1): 97–116.
- Tapper, R. (ed.) (1983) *The Conflict of Tribe and State in Iran and Afghanistan*, New York: St Martin's Press.
- Yazdani, H.A. (Haj Kazem) (2011), *Pajouheshi dar tarikh-i hazaraha* [A Study of the Hazara's History], Téhéran: Erfan, 1390/2011.

Сведения об авторе:

АДЕЛЬХА Фариха – антрополог, ведущий исследователь Института политических наук (SciencesPo-CERI) (Париж, Франция).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Fariba Adelhkhah, SciencesPo-CERI (Paris, France).

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28 января 2022 г.;
принята к публикации 1 апреля 2022 г.*

*The article was submitted 28.01.2022;
accepted for publication 01.04.2022.*